

Савина Анна Викторовна

ОБРАЗ ЖАНА КАЛЬВИНА В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Статья посвящена отражению образа европейского реформатора Жана Кальвина (1509-1564) в российской исторической мысли второй половины XIX века. В этот период в России формировалась всеобщая история как наука и тема Реформации в целом и кальвинизма в частности привлекала повышенное внимание. Автор статьи показывает эволюцию как в характере рассмотрения темы, так и в оценках историков. Подобные исследования не предпринимались в отечественной науке.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/45.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. I. С. 169-171. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 9; 94

Исторические науки и археология

Статья посвящена отражению образа европейского реформатора Жана Кальвина (1509-1564) в российской исторической мысли второй половины XIX века. В этот период в России формировалась всеобщая история как наука и тема Реформации в целом и кальвинизма в частности привлекала повышенное внимание. Автор статьи показывает эволюцию как в характере рассмотрения темы, так и в оценках историков. Подобные исследования не предпринимались в отечественной науке.

Ключевые слова и фразы: Ж. Кальвин; Реформация; Т. Н. Грановский; В. В. Бауер; М. Н. Петров; В. И. Герье; И. В. Лучицкий; Р. Ю. Виппер.

Савина Анна Викторовна

*Вологодский государственный университет
avsavina@ya.ru*

**ОБРАЗ ЖАНА КАЛЬВИНА В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА[©]**

Фигура Жана Кальвина (1509-1564) является одной из самых неоднозначных в европейской истории. В отличие от отечественной науки, на Западе тема образа Кальвина активно изучается начиная с середины XX века [14]. Наиболее распространено представление о Кальвине как о «женевском Папе», диктаторе теократической Женевы, где реформатор развернул деятельность с 1536 г. и до своей смерти. Этот «имидж» вольно или невольно сформировали современники Кальвина, причем как идейные противники (например, изгнанный из Женевы бывший монах-кармелит И. Бользек [12]), так и соратники, которые, подобно Т. де Безу, преемнику Кальвина в Женеве [11], зачастую приукрашивали действительность «во славу» реформатора. Казнь М. Сервета в 1553 г. стала главным «пятном» на репутации Кальвина в XX веке благодаря художественно-документальному очерку австрийского писателя С. Цвейга [10], изобразившего Кальвина как протестантского инквизитора.

Хронологические рамки данной статьи обусловлены тем, что именно во второй половине XIX века в России формировалась профессиональная историческая наука, осваивались новые темы исследования и источники, осмыслились и переоценивались результаты работы западных коллег. Одной из популярных тем стала история Реформации, которая в Европе традиционно рассматривалась как начало борьбы за права и свободы. В таком контексте противоречивая фигура Кальвина представляла большой интерес. Исследовательской активности по теме кальвинизма способствовал выход в свет в 1863-1900 гг. трудов Кальвина в 58 томах в рамках 101-томного «Corpus Reformatorum». Судя по ссылкам в трудах отечественных историков второй половины XIX века, они опирались как на работы знаменитых Ж. Мишле [8] и Ф. Гизо [15], так и менее известных сейчас немецких и французских исследователей, которые писали о Кальвине и кальвинизме (Ж. Б. Капефиг [13], Ф. Кампшulte [17], П. Генри [16] и другие).

Родоначальник всеобщей истории в России Тимофей Николаевич Грановский (1813-1855) в своих лекциях по истории Западной Европы XV-XVI веков (1849-1850, Московский университет) писал о Кальвине как примере религиозной нетерпимости. Историк говорил о невозможности оправдания казней в Женеве [5]. Грановский видел в Кальвине неограниченного правителя: Женеву он называл новым Виттенбергом, но отмечал, что Лютер никогда не имел сравнимой власти. Характерно, что историк высказывался о сходстве Кальвина и лидеров якобинцев во Французской революции, правда, не конкретизируя свою мысль [Там же, с. 197].

Профессор Харьковского университета Михаил Назарович Петров (1826-1887) в своем весьма популярном лекционном курсе по всеобщей истории, составленном в начале 1870-х гг., именовал Кальвина «радикальным реформатором XVI века», который, однако, в плане догматики и устройства церкви не привнес нового, возвращаясь к истокам христианства. В отношении Женевы Петров отмечает неограниченное влияние Кальвина на дела города [9].

Один из «пионеров» отечественной новистики профессор Петербургского университета Василий Васильевич Бауер (1833-1884) в своих лекционных курсах отмечал, что Кальвин не являлся собственно реформатором, будучи «организатором». Идеи Кальвин почерпнул у Лютера и Цвингли и стоит между ними, соединяя рационализм последнего с «поэтическим религиозным чувством» первого [1, с. 619]. Целью Кальвина было привести протестантские идеи в систему и придать им форму, которая «была бы понятна романскому уму». По мнению Бауера, Кальвин, как человек воли, а не чувства, был ближе Лойоле, нежели Лютеру: у Кальвина нет «теплоты чувства», а есть «один непреклонный закон, в жертву которому приносится все человеческое». По мнению Бауера, Кальвин с его идеей подчинения государства церкви вообще был ближе к католической церкви, нежели протестантской [2, с. 320].

Ученик Грановского и учитель целого поколения «всеобщих» историков Владимир Иванович Герье (1837-1919) считал кальвинизм формой протестантизма, отличающейся духом религиозной исключительности и нетерпимости. Герье четко делит материал о кальвинизме на разделы: время, место, личность. Что касается первого, «время уступчивости Лютера прошло», в период католической реакции необходимо организовать

воинственную церковь. Что касается места, Кальвин смог стать лидером европейского протестантизма благодаря выгодному положению Женевы на пересечении путей и «миров» – германского и романского, протестантского и католического [4, с. 468]. О личности реформатора Герье говорит немного: Кальвин – не аскет, подобно Лютеру, он, скорее, стоик, «железный человек», который смотрит на себя как на орудие провидения и ставит целью достижение Царства Божьего на земле под властью духовенства [Там же, с. 474].

В целом образ Кальвина в сочинениях Грановского, Петрова, Бауера, Герье отличается однотипностью. Объясняется это, скорее всего, тем, что он формировался на основе анализа не источников, а определенного круга западной литературы, что, конечно, говорит о вторичности тех характеристик и оценок, которые даются российскими учеными. Впрочем, сам характер вышеупомянутых работ 1850-х – начала 1880-х гг. подразумевал подобную особенность: общие труды и лекционные курсы имеют образовательные, просветительские, а не исследовательские цели.

В последней трети XIX века появились оригинальные монографические исследования по истории кальвинизма. Первым российским историком, который обратился непосредственно к теме кальвинизма и его исторической роли, стал Иван Васильевич Лучицкий (1845-1918). В его первых крупных научных публикациях «Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции» (1871) [7] и «Католическая лига и кальвинисты во Франции» (1877) [6] характеристика Кальвина и его взглядов вписана в перипетии эпохи религиозных войн во Франции. В качестве источников Лучицкий использовал биографии Кальвина, написанные Т. де Безом и И. Болзекком. Несмотря на диаметрально противоположное отношение этих авторов к реформатору, Лучицкий замечает, что они отразили одинаково основные черты характера Кальвина – это гордыня и упрямство, нетерпимость к другим мнениям и стремление уничтожать все препятствия, которые мешают на пути к цели [7, с. 71-72]. Надо сказать, это был достаточно хрестоматийный, хотя и сдержанный образ. Например, Мишле видел в Кальвине и вовсе воинственного и кровожадного фанатика: «если где-нибудь в Европе нужны кровь и казни, если нужен человек для того, чтобы жечь и колесовать – то его можно найти в Женеве» [8, с. 232].

Идеалом правления Кальвина, по мнению Лучицкого, выступает аристократия – только в этом случае государством руководят достойнейшие люди. Симпатии к аристократии Лучицкий довольно типично для литературы того времени объяснял воспитанием Кальвина в аристократической среде. По мнению Лучицкого, Кальвин сделал все, чтобы ввести в Женеве «чисто аристократическое правление» и ослабить тамошние демократические учреждения. Также у Лучицкого видим традиционную оценку роли Кальвина в управлении Женевой, где он имел «власть настолько обширную, что его могли смело назвать... главой республики» [7, с. 86]. По мнению Лучицкого, для Кальвина государство было «простым орудием» церкви, и он воссоздавал теократию в духе Ветхого Завета. Характерно, что Лучицкий видел в стремлении Кальвина к власти в Женеве глобальную цель: используя выгодное расположение города, распространять дело Реформации во всей Европе.

Отметим, что, хотя в трудах И. В. Лучицкого транслировался довольно стереотипный образ Кальвина, изучение кальвинизма благодаря его исследованиям вышло на новый уровень: впервые в отечественной историографии фигура реформатора была вписана в контекст социально-политической борьбы.

В 1894 г. вышел в свет первый и единственный по сию пору отечественный фундаментальный научный труд, посвященный деятельности Кальвина, – «Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма» [3]. Автор труда – Роберт Юрьевич Виппер (1859-1954) – во многом пересмотрел устоявшиеся в европейской и российской науке стереотипы и использовал широкую источниковую базу, неизданные документы из женевских архивов. Виппером был охвачен практически весь круг источников, которые до сих пор составляют базу исследований учения и деятельности Кальвина.

В диссертации Виппера бросается в глаза взвешенный подход к фигуре и деятельности реформатора. Отмечая наличие «легендарных» представлений о Кальвине и Женеве, Виппер не ставил целью «развенчивать» их, однако не мог этого избежать, рассматривая основную проблему исследования – взаимоотношения церкви и государства в Женеве XVI века.

Тезис о диктатуре Кальвина в Женеве, по мнению Виппера, не соответствует действительности. Хотя влияние реформатора на дела республики было значительным, его деятельность на этом поприще не носила самостоятельного характера: его мнением пренебрегали, если оно не попадало «в тон правительственной политике» [Там же, с. 308]. В церковной сфере, конечно, руководящая роль реформатора более очевидна, однако и здесь Кальвин – не «распоряжающийся» [Там же, с. 310-312]. Например, разработанный Кальвином в 1541 г. проект женевской церковной организации был реализован в исправленном и отредактированном представителями магистрата варианте, который имел мало общего с кальвиновской теорией устройства церкви [Там же, с. 287]. Характерно, что Виппер рисовал нетипичный образ Кальвина, отмечая, в частности, его гибкость, осторожность и способность приспосабливаться к определенным обстоятельствам.

Виппер всячески показывал, что мнение Кальвина отнюдь не являлось решающим, а возглавляемая им женевская церковь не только не играла преобладающей роли, но и не была самостоятельной силой даже в собственной сфере, так что если понимать под теократией подчинение государства церкви, то к кальвиновской Женеве это не относится. Установившийся в Женеве во времена Кальвина режим, по мысли Виппера, имел своей основой характерную для швейцарских городов того времени модель отношений церкви и магистрата, где доминирует последний [Там же, с. 612].

Труд Виппера был отмечен современниками и потомками, неслучайно его исследование включается наряду с монографиями виднейших западных кальвиноведов в библиографические списки авторитетных зарубежных изданий [18, р. 363]. Тем не менее стереотипные черты образа Кальвина доминируют в популярной, учебной и даже научной литературе по сей день, что означает необходимость продолжения изучения истории кальвинизма.

Список литературы

1. **Бауер В. В.** Заметки по истории Западной Европы в XVI-XVII вв. Литография лекций 1880-1881 гг. СПб., б.г. 687 с.
2. **Бауер В. В.** Новая история. Высшие женские курсы. 1880-81 уч. г. Литография. СПб., 1881. 512 с.
3. **Виппер Р. Ю.** Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма. М., 1894. 686 с.
4. **Герье В. И.** Новая история: лекции. Литография. М., 1886. 510 с.
5. **Грановский Т. Н.** Лекции по истории позднего Средневековья: записи слушателей с авторской правкой. М.: Наука, 1971. 340 с.
6. **Лучицкий И. В.** Католическая лига и кальвинисты во Франции. Киев, 1877. 560 с.
7. **Лучицкий И. В.** Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции. Киев, 1871. Т. 1. 562 с.
8. **Мишле Ж.** Реформа. Из истории Франции в XVI в. / пер. с фр. СПб., 1862. 232 с.
9. **Петров М. Н.** Лекции по всемирной истории. Харьков, 1888. Т. 3. История новых веков. Реформационная эпоха. 216 с.
10. **Цвейг С.** Совесть против насилия. Кастеллио против Кальвина. М.: Мысль, 1986. 238 с.
11. **Bèze T. de.** L'histoire de la vie et mort de feu M. Jean Calvin. Genève, 1657. 204 p.
12. **Bolsec J. H.** Histoire de la vie, moeurs, actes, doctrine et mort de Jean Calvin. Lyon, 1577. 26+143 p.
13. **Caréfigue J. B.** Histoire de la Reformation, de la Ligue et du regne le Henry IV. Paris, 1834-1835. V. 1-8.
14. **Dufour A.** Le mythe de Genève au temps de Calvin // Dufour A. Histoire politique et psychologie historique. Geneve, 1966. P. 63-95.
15. **Guisot F.** Les vies de quatre grands chretiens français. Paris, 1873. V. 1. 398 p.
16. **Henry P. E.** Das Leben Johann Calvin's des großen Reformators. Hamburg, 1835-1844.
17. **Kampschulte F. W.** Johann Calvin, seine Kirche und sein Staat in Genf. Leipzig, 1869-1899.
18. **Léonard E. G.** Histoire générale du protestantisme. Paris, 1988. Vol. 1. 401 p.

**IMAGE OF JOHN CALVIN AS IT IS VIEWED BY RUSSIAN HISTORIANS
OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY**

Savina Anna Viktorovna
Vologda State University
avsavina@ya.ru

The article aims to represent the image of the European reformer John Calvin (1509-1564) in the Russian historical thought of the second half of the XIX century. In this period general history as a science was forming in Russia, and the theme of Reformation on the whole and Calvinism in particular attracted much attention. The author shows the evolution both in the nature of addressing the subject and in the evaluations of the historians. Such investigations have not been previously conducted in the national science.

Key words and phrases: John Calvin; Reformation; T. N. Granovsky; V.V. Bauer; M. N. Petrov; V. I. Guerrier; I. V. Luchitskiy; R. Y. Wipper.

УДК 94(47).081

Исторические науки и археология

Статья посвящена изучению трансформации социокультурной роли, которую играло дворянство накануне и в период реформ 60-70-х годов XIX века в русской деревне. Рассматривается неоднозначность влияния европейски ориентированного образования дворянина на его адаптацию к роли хозяина поместья как до, так и после отмены крепостного права. Автор отмечает позитивную роль всесословных земств и пореформенных судов в воспитании политической культуры крестьянства, в том числе за счет взаимодействия в их рамках двух сословий.

Ключевые слова и фразы: дворянство; помещики; крестьянство; усадьба; образование; рациональное хозяйство; отмена крепостного права; крестьянская реформа; земства.

Селиверстова Наталья Матвеевна, к.и.н., доцент

Российский химико-технологический университет имени Д. И. Менделеева
nseliverstova@mail.ru

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РОЛЬ ДВОРЯНИНА В ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ
НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД РЕФОРМ 60-70-Х ГГ. XIX ВЕКА[©]**

Для российского дворянина деревня всегда была особым местом. Тесная связь с землей оставалась для многих из них одним из самых заветных преданий, унаследованных от предков, чьи портреты украшали стены родных имений. Как писал известный исследователь русской усадьбы Н. Н. Врангель, «любовь к земле, к саду, к деревьям – ко всей природе – была всегда сильна у русского человека» [1, с. 47]. Долг несения службы казался не настолько обременительным, поскольку всегда существовала возможность, при тех или иных обстоятельствах, уйти в отставку и зажить своим домом в деревне, как это делали их отцы и деды, а при случае, когда размеренная жизнь в имении начинала казаться слишком монотонной, – вновь вернуться

[©] Селиверстова Н. М., 2015